

ЧАСТЬ I

НЕЗНАКОМЕЦ У ТВОИХ ВОРОТ

1987 год от Рождества Христова

Возвращение в Нью-Йорк в тот же самый день, когда он его покинул, возможно, было ошибкой. Даже здесь стояла прекрасная весенняя пора. В такие сумерки не сидят в одиночестве, предаваясь воспоминаниям. Дождь слегка освежил воздух, и в открытые окна влетал нежный запах весенних цветов и зелени. Огни, струившиеся внизу, и шум улицы создавали впечатление, что под стенами дома течет река. Мэнсу Эверарду захотелось выйти из дома.

Он мог бы отправиться в Центральный парк, прихватив на всякий случай парализующий пистолет. Ни один полицейский этого века не примет его за боевое оружие. После разгула насилия, свидетелем которого недавно стал Мэнс, лучше пройтись по какой-нибудь спокойной аллее и завершить прогулку в одном из знакомых кабачков, посидев там за пивом в приятной компании. Приди ему в голову идея уехать прочь, в его распоряжении был темпороллер в штабе Патруля, оставалось только выбрать подходящую эру и точку на планете Земля. Агент-оперативник никому не обязан отчитываться о своем решении. Но что подделаешь, он оказался в западне, подстроенной ему телефонным звонком. Мэнс, не выпуская изо рта ароматно дымящуюся трубку, мерял шагами густеющий мрак квартиры и время от времени бранил себя. Какая нелепость — поддаваться настроению. Упадок сил после активной работы естествен, однако он уже провел две необременительные недели в Тире, где правил Хирам, и завершил все дела, связанные с его миссией. Что касается Бронвен, то он обеспечил ее до конца жизни, и возвращение к ней могло лишь разрушить со-

стояние благополучия, обретенное ею; календарь указывал на то, что Бронвен погребена под пылью двадцати девяти столетий, так что и дело с концом.

Звонок в дверь вернул его к действительности. Мэнс включил свет и зажмурился от неожиданно яркой вспышки, затем впустил гостя в дом.

— Добрый вечер, агент Эверард, — поздоровался вошедший мужчина по-английски с едва уловимым акцентом. — Гийон. Надеюсь, что не застал вас в неурочное время.

— Нет-нет, я ведь не отказался от встречи, когда вы позвонили мне.

Они пожали друг другу руки. Эверард вдруг подумал, а был ли принят этот жест в родном Гийону окружении. Из каких времен и краев явился пришелец?

— Проходите.

— Видите ли, я полагал, что сегодня вы захотите разделаться с мирскими заботами, а завтра, может быть, отбыть на отдых, вернее на каникулы, как говорите вы, американцы, верно? В какое-нибудь благословенное местечко. Я мог бы, конечно, побеседовать с вами и после вашего возвращения, но тогда воспоминания утратят живость. К тому же, признаться, мне хотелось познакомиться с вами. Может быть, вы позволите пригласить вас на ужин в ресторан? Какой вам нравится?

С этими словами Гийон вошел в комнату и устроился в кресле. Он был неброской внешности, невысокий, худощавый, в сером заурядном костюме. Голова большая, но лицо его, смуглое, с тонко вылепленными чертами, при ближайшем рассмотрении не соответствовало ни одной из рас, живущих ныне на планете.

Эверард гадал, какие силы скрывает улыбка гостя.

— Спасибо, — отозвался он.

На первый взгляд мелочь. Подумаешь, пригласил. Агент Патруля Времени и без того распоряжается неограниченными средствами. Но на самом деле предложение значило много. Гийон готов был потратить на него время из личной продолжительности жизни.

— А если мы немного отложим наш серьезный разговор? Не выпить ли нам для начала?

Заказ принят. Эверард налил шотландского виски с содовой для обоих. Гийон не возражал против дыма его трубки. Эверард опустил в кресло.

— Позвольте еще раз поздравить вас с достижениями в Финикии, — произнес посетитель. — Потрясающе.

— У меня была отличная команда.

— Действительно. Но она имела первоклассного лидера. И подготовительную работу вы провели в одиночку, рискуя собой.

— Вы пришли ко мне ради этого? — требовательно произнес Эверард. — Я ведь довольно подробно отчитался. Вы наверняка уже ознакомились с моим докладом. Не знаю, что еще я могу рассказать вам.

Гийон уставился в приподнятый стакан, словно в нем лежали не кусочки льда, а дельфский кубик для гадания.

— Возможно, вы опустили некоторые детали, на ваш взгляд не имеющие отношения к делу, — пробормотал он.

Мелькнувший хмурый взгляд собеседника не ускользнул от внимания Эверарда. Гийон поднял свободную руку.

— Не беспокойтесь. Я не намерен вторгаться в ваши личные дела. Оперативник, равнодушный к существам человеческим, просто... неполноценен. Бесполезен или даже опасен. Но наши чувства неприкосновенны до тех пор, пока мы не позволяем им мешать выполнению служебных обязанностей.

«Как много он знает или подозревает?» — гадал Эверард. Печальный, короткий роман с кельтской девушкой-рабыней, заранее обреченный из-за временной бездны между их появлением на свет; хлопоты по ее освобождению и замужеству, прощание. «Впрочем, сам я спрашивать не стану... Еще узнаешь то, о чем знать совсем не хочется...»

Эверарда не поставили в известность о том, что нужно Гийону и зачем, он знал лишь, что у него по крайней мере такие же полномочия, может быть, выше. В Патруле, за

исключением его низших эшелонов, отсутствовали строгие уставные отношения и формальная подчиненность. Сама суть Патруля исключала иерархию. Его структура была гибче и прочнее любой регламентированной системы. Похоже, только данеллиане полностью понимали ее.

Голос Эверарда, однако, обрел резкость.

— У агентов-оперативников достаточно широкие полномочия, — он не просто формулировал очевидное.

— Само собой разумеется, — отозвался Гийон с коварной покорностью. — Я лишь надеюсь собрать некоторые крупинки информации о том, что вам довелось испытать. А потом, пожалуйста, наслаждайтесь честно заработанным отдыхом. — И совсем вкрадчиво: — Позвольте спросить, входит ли в ваши планы встреча с мисс Вандой Тамберли?

Эверард так вздрогнул, что чуть не выплеснул спиртное.

— Что?!

«Возьми себя в руки. Перехвати инициативу», — тут же подумал он.

— Так вы пришли затем, чтобы поговорить о ней?

— Ведь это вы дали ей рекомендацию.

— После чего она прошла предварительные испытания. Разве не так?

— Разумеется. Но вы встретили ее в тот момент, когда она попала в ту самую перуанскую историю. Короткое, но страстное и запоминающееся знакомство, — Гийон усмехнулся. — С той поры ваши отношения стали ближе. Это ни для кого не секрет.

— Не велика тайна, — огрызнулся Эверард. — Она очень молода. Но я, так сказать, считаю ее своим другом. — Он помолчал немного. — Протеже, если вам угодно.

«Мы и встречались-то всего два раза, — подумал Эверард. — Потом я уехал в Финикию, поездка унесла из моей жизни недели... И вот я вернулся в ту же весну, когда мы с ней впервые оказались вдвоем в Сан-Франциско».

— Да, я непременно увижусь с ней, — добавил Эве-

рд. — Но у нее много других забот. Возвращение в сентябре на Галапагосские острова, откуда ее похитили, затем возвращение домой обычным путем и несколько месяцев на то, чтобы уладить все дела в XX веке и исчезнуть, не вызвав у окружающих никаких вопросов. Но какого черта я повторяю то, что хорошо вам известно и без меня?

«Видимо, размышляю вслух, — подумал Эверард. — Ванда, конечно, не Бронвен, но она может, сама о том не подозревая, помочь мне забыть Бронвен. Как мне и следовало поступить уже давным-давно...»

Эверард не был склонен к самоанализу. Он вдруг осознал, что для душевного покоя ему нужен не очередной роман, нужно лишь побыть немного рядом с молодостью и невинностью. Словно истомленному жаждой человеку, ищущему источник высоко в горах... Потом он вернется к своей привычной жизни, а она будет искать себя на новом пути, в Патруле.

По коже пробежал холодок. «А вдруг ее не примут?»

— Почему, собственно, она вас интересует? Вы занимаетесь подбором кадров? Кто-то выразил сомнения по поводу мисс Тамберли?

Гийон покачал головой.

— Напротив. Психологические тестировали ее прекрасно. Последующие проверки будут чисто формальными — просто чтобы помочь ей с профессиональной ориентацией и подготовить к первым полевым заданиям.

— Хорошо.

Эверард немного успокоился. Пожалуй, он слишком много курит. Глоток виски терпкой прохладой разлился по языку.

— Я упомянул ее просто потому, что ваша судьба перекликается с событиями, в которых замешаны экзальционисты, — сказал Гийон. Голос его звучал приглушенно, словно бы скучающе. — Прежде вы и ваши соратники помешали их попыткам подорвать карьеру Симона Боливара. Спасая мисс Тамберли, которая, кстати, довольно умело защищала себя сама, вы предотвратили похищение

экзальтационистами выкупа Атауальпы и тем самым изменение истории испанского завоевания Латинской Америки. Теперь вы спасли от них древний Тир и пленили почти всех, кто уцелел в ходе операции, включая Мерио Варагана. Отличная работа. Тем не менее задача пока не выполнена до конца.

— Верно, — прошептал Эверард.

— Я здесь для того, чтобы... прочувствовать обстановку, — сказал Гийон. — Я не могу точно сформулировать, чего я добиваюсь, даже если заговорю на темпоральном языке.

Он продолжал прежним тоном, но уже без улыбки, и в его бегающем взоре появилось что-то пугающее.

— Происшедшее укладывается в прямолинейную логику не более, чем сама концепция изменчивой реальности. И «интуиция», и «откровение» — оба эти слова совершенно неадекватны. Вот я и стремлюсь... найти иной способ постижения.

Повисло молчание. Казалось, что даже шум города за окном стал тише.

— У нас неофициальный разговор. Я лишь пробую уловить чувства, воспоминания, какие вызывает у вас опыт работы. И все. После этого вы вольны отправляться куда угодно. Но судите сами. Может ли быть чистой случайностью, что вы, Мэнсон Эверард, трижды участвовали в операциях против экзальтационистов? Только однажды вы выступили с предположением, что именно они ответственны за отклонения в истории. Тем не менее вы стали Немезидой для Мерио Варагана, который, теперь я могу это признать, держал среднее звено Патруля в страхе. Случайно ли это? Случайно ли то обстоятельство, что Ванда Тамберли была втянута в водоворот событий как раз в тот момент, когда ее родственник, без ведома Ванды, уже рботал в Патруле?

— Он-то как раз и стал причиной того, что она...

Эверард умолк. У него похолодело внутри. Кто этот человек в действительности? Чем он занимается?

— Именно поэтому нам хочется получше узнать вас, — сказал Гийон. — Не вторгаясь в вашу личную жизнь, я надеюсь получить ключ к тому, что мы — весьма условно — называем гиперматрицей континуума. Благодаря этим данным мы могли бы напасть на след последних экзальтационистов. Они отчаянны и мстительны, как вы знаете. Мы обязаны выследить их.

— Понимаю, — выдохнул Эверард.

Кровь ударила ему в голову. Он едва расслышал заключительную фразу Гийона:

— Но, пожалуй, гораздо более серьезное значение имеют направление и исход...

И вряд ли заметил, как Гийон оборвал себя на полуслове, словно боялся проговориться о чем-то важном. Эверард, подобно гончей, возвращался назад, пытаясь отыскать след, всматривался вперед, понимая, что нужно не в засаде сидеть, а завершать охоту.

ЧАСТЬ II

ЖЕНЩИНЫ И ЛОШАДИ, ВЛАСТЬ И ВОЙНА

1985 год от Рождества Христова

Здесь, где созвездие Медведицы нависло так низко, ночь пронзала холодом до костей. Днем горы скрывали горизонт, заслоняя его скалами, снегом, облаками. Мужчина, задыхаясь, брел по горному кряжу, чувствуя, как осыпаются под сапогами камни, и изнемогая от невозможности вздохнуть полной грудью. Горло его пересыхало все сильнее. Еще страшили пуля или кинжал, которые с наступлением темноты могли лишить его жизни на этой пустынной земле.

Капитан предстал перед Юрием Алексеевичем Гаршиным подобно ангелу из рая, как его описывала бабушка. Случилось это на третий день после того, как он попал в засаду. Юрий шел на северо-восток, в основном вниз по склону, хотя ему казалось, что каждый шаг уводит его вверх, придавливая тяжестью земли. Где-то там находился лагерь. Спальный мешок дарил Гаршину минуты отдыха, но ужас снова и снова толкал его в путь, полный не менее страшного одиночества. Помня о скудности пайка в вещмешке, он слегка перекусил, и царапающее нутро чувство голода чуть притупилось. Но ему становилось все тяжелее. Воды, чтобы наполнить флягу, вокруг было предостаточно — источники и растопленный снег, — но нечем было подогреть ее. Самовар в родительском доме казался позабытой мечтой — колхоз, задорные песни над полями ржи, бесконечный ковер луговых цветов, по которому он гулял рука об руку с Еленой Борисовной. Здесь же скалы украшал только лишайник, колючие худосочные кустики цеплялись за камни да торчали кое-где пучки бледной

травы. Единственным звуком, помимо его шагов, дыхания и биения пульса, был ветер. Высоко в небе в потоке ветра парила неизвестная Гаршину громадная птица. Стервятник, ждущий его смерти? Нет, эти наверняка пируют над его товарищами...

На его пути вырос утес. Гаршин пошел в обход, размышляя, насколько отклонился от верного пути к своим. Неожиданно он увидел за скалой человека.

Враг! Гаршин схватился за «калашников», перекинутый через плечо. Но тут же в мозгу мелькнуло: «Нет! Наш! Форма наша!» Его обдало теплой слепящей волной. Колени подогнулись.

Когда Юрий пришел в себя, незнакомец подошел ближе. Мужчина был в чистой аккуратной форме. В лучах горного солнца ослепительно сверкали офицерские знаки различия. На спине висели ранец и скатка спального мешка. Из оружия у него был только пистолет, но офицер шагал смело и бодро. Совершенно очевидно, что это не солдат правительственных войск Афганистана, одетый в форму, поставленную союзниками. Подтянутая крепкая фигура, светлокожее лицо, скуластое, но немного скошенное к вискам, карельские глаза.

«Похоже, он откуда-нибудь с Ладожского озера, — рассеянно подумал Гаршин. — А я тут тяну армейскую лямку, выжидая конца этой несчастной войны, чтобы вернуться домой. Если, конечно, выживу».

Дрожащей рукой он отдал честь.

Офицер остановился примерно в метре от него. Гаршин разглядывал капитанские звездочки.

— Как вы здесь оказались, рядовой?

Взор капитана пронзал, как ветер в пору заката. Тон тем не менее неприязненным не был, говор звучал по-московски, тот самый русский язык, который чаще всего приходилось слышать после призыва в армию, только сейчас на нем говорил более образованный человек.

— Р-р-разрешите, товарищ... — неожиданное, беспо-

мощное, заикающееся бормотание. — Рядовой Юрий Алексеевич Гаршин!

Запинаясь, он назвал свою часть.

— Итак?

— Мы были... наша группа, товарищ капитан... в разведке на горной тропе. Вдруг взрыв, автоматная пальба, и вокруг стали падать замертво люди...

...Сергею тогда разmozжило голову, а самого его отшвырнуло, будто тряпичную куклу, потом грохот, дым и клубы пыли, и ты ползешь по-пластунски, в ушах такой оглушающий шум, что ничего не слышишь, а во рту противный привкус лекарства...

— Я увидел... бандитов... нет, одного, бородатого в тюрбане, он хохотал. Они меня не заметили. Я спрятался за кустом, а они были слишком заняты, добывая штыками раненых.

Несмотря на то что в желудке у Гаршина было пусто, он почувствовал приступ рвоты. Горло саднило.

Капитан стоял над ним, пока не стихли конвульсии и не отпустила боль.

— Попейте немного, — предложил офицер. — Прополщите рот, сплюньте. Теперь глотайте, только чуть-чуть.

— Слушаюсь! — подчинился Гаршин. Ему стало легче. Он попытался встать.

— Посидите пока, — произнес капитан. — Досталось вам, ничего не скажешь. У моджахедов теперь и ракетные установки, и скорострельное оружие. Вы скрылись, когда они убралась восвосяи, верно?

— Т-так точно. Но не дезертировал или что-нибудь подобное, а...

— Знаю. В этой ситуации вам не оставалось ничего другого. Более того, ваш долг и состоял в том, чтобы вернуться на базу и доложить о случившемся. Вы не решились идти тем же путем. Слишком рискованно. Вы карабкались вверх. Вы пребывали в состоянии оцепенения. Когда пришли в себя, поняли, что сбились с дороги. Так?

— По-моему, так. — Гаршин поднял глаза на склонен-

ную над ним фигуру. Она темнела на фоне неба, как нечто инородное, как утес.

Гаршин снова начал соображать и почувствовал, как пальцы его сжимаются в кулаки.

— А как здесь очутились вы, товарищ капитан?

— У меня спецзадание. Вы не должны упоминать обо мне без моего на то разрешения. Ясно?

— Так точно. Но... — Он сел, выпрямив спину. — Вы говорите так, словно знаете... о моей группе почти все.

Капитан кивнул.

— Я шел по вашим следам и восстановил события. Мятежники скрылись, но тела остались на поле боя, их мародерски обобрали. Я не смог похоронить погибших.

Он не стал распространяться о «славе и героических подвигах». Гаршин не мог понять, радуется это его или огорчает. Удивительно, что офицер вообще снизошел до таких объяснений перед солдатом.

— Мы можем послать группу за телами убитых, — сказал Гаршин. — Если наши узнают о случившемся.

— Конечно. Я помогу вам. Уже лучше? — Капитан протянул ему руку.

Солдат поднялся на ноги, отметив про себя, насколько тверда рука офицера. Он почувствовал, что довольно прочно держится на ногах.

Гаршин чувствовал, как его ошупывают чужие глаза. Слова падали размеренно, как удары молота в руках опытного мастера.

— Должен отметить, рядовой Гаршин, что наша случайная встреча удачна для нас обоих и для всех остальных. Я могу направить вас к базе. Вы должны будете доставить туда одну чрезвычайно важную вещь, заниматься которой у меня нет времени.

Прямо ангел небесный. Гаршин обратился в слух.

— Так точно, товарищ капитан!

— Прекрасно! — Капитан все еще пристально смотрел на рядового.

Облака, клубившиеся вокруг двух вершин вдалеке, то

плотно укрывали, то обнажали горные пики. У подножия клонились под ветром редкие кустики.

— Расскажите мне, молодой человек, о себе. Сколько вам лет? Откуда родом?

— Д-девятнадцать, товарищ капитан. Из колхоза под Шацком. — Затем смелее: — Вряд ли вам это что-нибудь говорит. Ближайший к нам город — Рязань.

Капитан вновь кивнул.

— Понятно. Вы кажетесь мне смышленным, преданным делу, и, надеюсь, должным образом отнесетесь к моей просьбе. Нужно лишь передать обнаруженный мною предмет по назначению. Возможно, это очень важная находка.

Офицер продел большие пальцы под лямки вещмешка.

— Помогите снять. Вещица там.

Сняв мешок, они опустили его на землю и присели на корточки. Капитан раскрыл мешок и вытащил коробочку. Он по-прежнему был словоохотлив, что совсем не принято у офицеров в отношениях с солдатами, хотя временами Гаршину казалось, что капитан беседует сам с собой, вглядываясь во что-то такое, что ему, Гаршину, не дано видеть.

— Это очень древняя земля. История предала забвению всех людей, которые владели ею, приходили и покидали ее, боролись и умирали, жили здесь из века в век. Последние пришельцы — мы. Наша война не популярна ни здесь, ни во всем мире. Не давая ни положительной, ни отрицательной оценки этой войне, можно с уверенностью сказать, что она опалает нас так же, как в свое время обожгла война во Вьетнаме американцев. Вы тогда были еще ребенком. Но если мы сумеем стяжать хотя бы немного славы, приобрести крупицу чести, разве это не послужит нашей родине? Разве это не служба во имя отечества?

По спине солдата пробежал холодок.

— Вы говорите, словно профессор, товарищ капитан, — прошептал он.

Офицер пожал плечами. Голос его поскучнел:

— Какая разница, чем я занимался на гражданке? У ме-

ня много интересов. Я набрел на место, где вы оказались в засаде, и среди всего того, что я там обнаружил, был вот этот предмет. Афганцы, видимо, не заметили его. Они तो-ропились, да и что взять с темных обитателей этого пле-мени? Вещица, должно быть, долгие годы пролежала в земле, пока осколок ракеты не вырвал ее на поверхность. Рядом с моей находкой лежали еще какие-то предметы — из метал-ла и кости, — но мое внимание привлек только этот. Вот он. Возьмите.

Капитан вложил коробочку в руки Гаршина. Санти-метров тридцать в длину, около десяти в ширину, зелено-вато-серого цвета, покрытая окисной пленкой (бронза?), она прекрасно сохранилась благодаря высокогорной сухо-сти воздуха. Крышка была залита plombой из смолистого вещества, на которой можно было различить следы печат-ки. На металлической поверхности просматривались очертания каких-то фигур.

— Осторожнее! — предупредил капитан. — Она очень хрупкая. Ни в коем случае не давите на шкатулку. Ее со-держимое — я полагаю, это документы, — может рассу-паться в прах, если вскрыть коробочку без строгого кон-троля специалистов. Вам все ясно, рядовой Гаршин?

— Да... Так точно, товарищ капитан!

— Как только вернетесь на базу, немедленно доложите сержанту, что вам необходимо видеть командира полка. Это настолько важное задание, что вы обязаны отчитаться только ему одному.

На лице солдата появилось испуганное выражение.

— Но, товарищ капитан, все, что я могу сказать... это...

— Вы должны вручить шкатулку командиру, чтобы она не затерялась где-нибудь у чиновников. Полковник Колтухов, в отличие от большинства его коллег, не без-мозглый солдафон. Он во всем разберется и поступит над-лежащим образом. Просто расскажите ему правду и от-дайте шкатулку. Даю слово, что вы не пострадаете. Колту-хов будет спрашивать мое имя и прочие подробности. Скажите, что я не назвал своего имени: мне поручено

очень секретное задание, и все, что я вам о себе сказал, неправда. Командир может сообщить обо мне в ГРУ или КГБ, пусть они меня проверяют. Но от вас, рядовой Гаршин, требуется лишь одно: передать Колтухову эту вещь, имеющую исключительно археологическую ценность, — вещь, на которую вы могли наткнуться совершенно случайно, так же, как и я. — Капитан засмеялся, хотя взгляд его оставался по-прежнему сосредоточенным.

Гаршин проглотил комок в горле.

— Понятно. Это приказ, товарищ капитан?

— Да. И сейчас нам следует вернуться к своим обязанностям. — Он опустил руку в карман. — Возьмите компас. У меня есть еще один. Чтобы попасть в часть, вам нужно держаться отсюда к северо-востоку, и когда вон та вершина окажется точно на юго-западе... то... У меня есть блокнот, я укажу вам маршрут... Счастливого пути, приятель!

Гаршин начал осторожно спускаться с горы. Шкатулку он засунул в спальную скатку. Вещица почти ничего не весила, но ему казалось, что она давит на спину, что она так же тяжела, как солдатские сапоги, и неподъемна, как бремя горной породы, нависшей над ним. Капитан, скрестив на груди руки, смотрел ему вслед. Когда Гаршин оглянулся в последний раз, он увидел, что вокруг каски капитана сияют лучи солнца, образуя небесный нимб, — выглядел он словно ангел, указующий путь в некое таинственное и запретное место.

209 год до Рождества Христова

Дорога тянулась по правому берегу реки Бактр. Близость воды радовала путников. Приятный бриз, тень от прибрежных ив и шелковиц, любое прикосновение прохлады в летнюю знойную пору воспринималось как целое событие. Поля пшеницы и ячменя, сады с вкраплениями виноградников и даже дикие маки и багряный чертополох казались выбеленными палящими лучами солнца, застывшего в безоблачном небе. Земля эта тем не менее была благодатной. Множество домов — небольших, зато камен-

ных — теснились в селениях или рассыпались хуторками по полям. Мэнс Эверард предпочел бы не знать, что все это скоро изменится.

Караван упорно продвигался на юг. Из-под копыт вздымалась пыль. Гиппоник перегрузил свой товар с мулов на верблюдов, как только спустился с гор. Верблюды, пусть дурно пахнувшие и строптивые норовом, могли нести более тяжелую поклажу и были особо выгодны в этом засушливом районе, через который пролегал маршрут каравана. Животные, приспособленные к условиям Центральной Азии, сбросили с себя зимнюю шерсть, обнажив один горб. Двугорбые верблюды еще не достигли этой страны, которая позже даст им свое название¹. Поскрипывала сбруя, позвякивал металл. Бренчания колокольцев слышно не было, им только предстояло еще появиться в будущем.

Караванщики, ободренные приближением к концу их многонедельного путешествия, болтали, перебрасывались шутками, пели, махали руками пешим путникам, кричали и свистели, когда на глаза попадалась хорошенькая девушка, а некоторые из них адресовали свои восторги симпатичным юношам. Большинство караванщиков были родом из Ирана — темноволосые, стройные, бородатые, одетые в просторные шаровары и свободные рубахи или длинные кафтаны, в высоких головных уборах без полей. Но встречались среди них и левантийцы — эти выделялись туниками, коротко стриженными волосами и выбритыми лицами.

Сам Гиппоник — эллин (в настоящее время они преобладали в среде аристократов и буржуазии Бактрии) — крупный мужчина с веснушчатым лицом и редкими рыжеватыми волосами, сейчас покрытыми плоским головным убором. Его предки были родом с Пелопоннеса, где в этот период пока проживало немного анатолийцев, которые возьмут верх в Греции в эпоху, когда родится Эверард. Гиппоник ехал верхом на лошади впереди каравана, поэтому он был не так запылен, как его спутники.

---

¹ Бактриан — двугорбый верблюд.

— Нет, Меандр, ты должен остановиться у меня, я на этом просто настаиваю, — произнес Гиппоник. — Ты знаешь, я уже послал Клития с наказом жене, чтобы она приготовила комнату для гостя. Не выставишь же ты меня лгуном? Моя Нанно и без того чересчур остра на язык.

— Ты слишком добр, — возразил Эверард. — Посуди сам. Ты вращаешься в обществе важных людей, богатых, образованных, а я всего-навсего неотесанный старый во-яка-наемник. Мне бы не хотелось ставить тебя в неловкое положение.

Гиппоник искоса взглянул на своего спутника. Такому детине, несомненно, трудно было подыскать подходящего коня, который наверняка обошелся ему в кругленькую сумму. Амуниция Меандра — груба и незатейлива, за исключением меча у бедра. Больше никто в караване не носил оружия с того момента, как путешественники ступили на безопасную территорию и отпустили нанятых стражей. Но Меандр занимал особое положение.

— Послушай, — сказал Гиппоник, — мое ремесло требует умения разбираться в людях. Скитаясь по миру, тебе тоже поневоле пришлось много повидать. Больше, чем ты показываешь. Я полагаю, ты заинтересуешь и моих компаньонов. И, честно говоря, мне это совсем не повредит, когда дойдет до заключения сделок, что я задумал.

Эверард усмехнулся, и черты его сурового лица сразу смягчились. У него были светло-голубые глаза, каштановые волосы, перебитый в каком-то давнем сражении нос — о сражениях Меандр вспоминал скупно, как, впрочем, и обо всем остальном.

— Что ж, я могу славно развлечь твоих дружков, — процедил он.

Гиппоник посерьезнел.

— Я не собираюсь делать из тебя балаганное чудо, Меандр. Пожалуйста, не сомневайся в этом. Мы ведь друзья, правда? Нам ведь столько довелось вместе пережить. Настоящий мужчина всегда распахивает двери дома для своих друзей.

— Хорошо. Спасибо, — после некоторой паузы отозвался Эверард.

«Я тоже привязался к тебе, Гиппоник, — подумал он. — И не потому, что мы прошли через отчаянные испытания. Та жаркая схватка, затем бурный поток, из которого мы чудом спасли трех мулов... да и другие приключения. Но именно в таких путешествиях и познаешь, кто твои попутчики...»

Они следовали вместе из Александрии Эсхата на реке Яксарт, последнего и самого пустынного из тех городов, которые основал и назвал в свою честь великий Завоеватель, из того самого города, где Эверард нанялся на службу. Александрия находилась в пределах Бактрианского царства, но лежала на самой его окраине, и кочевники, обитавшие за рекой, повадились в том году совершать на город набеги, пользуясь отсутствием войск гарнизона: их перебросили на тревожную юго-западную границу. Гиппоник радовался, заполучив стража высшего разряда, хотя и вольнонаемного. И не напрасно: в дороге им пришлось отбиваться от разбойного нападения. Дальше путь на юг тянулся через Согдиану — пустынную, дикую и суровую местность. Лишь кое-где попадались там орошенные и возделанные земли. Сейчас караван пересек реку Окс и приближался к самой Бактрии, к дому...

«...как и должны, по данным наблюдений. Сегодня утром в течение нескольких минут за нами следили оптические приборы с борта беспилотного космического корабля, затем орбита увлекла его прочь до новых встреч. Вот почему я оказался в Александрии, рядом с тобой, Гиппоник. Я получил информацию, что твой караван достигнет Бактрии в подходящий для моих целей день. Кроме того, ты мне понравился, плут, и я молю Бога, чтобы ты пережил все, уготованное твоему народу».

— Прекрасно, — сказал купец. — Ты ведь не жаждешь потратить свой заработок на блошиную подстилку на постоялом дворе, а? Отдохнешь, насладишься жизнью. Тебе, несомненно, подвернется работа получше этой. Поищи ее

сам, без посредников. — Гиппоник вздохнул. — Как бы мне хотелось предложить тебе постоянную службу, но лишь Гермесу ведомо, когда я вновь пушусь в путь. Все эта война проклятая...

В последние дни до них доходили разные новости, путанные, но удручающие. Антиох, правитель Сирии из династии Селевкидов, начал вторжение в Бактрию. Эфидем Бактрийский с войском двинулся ему навстречу. Молва доносила вести об отступлении Эфидема.

Гиппоник отогнал грустные мысли.

— Ха! Знаю, почему ты отпираешься! — воскликнул он. — Боишься упустить случай потаскаться по злачным уголкам Бактрии, если остановишься в гостях в приличном семействе! Так ведь? Неужели та малышка с флейтой не ублажила тебя две ночи назад? — Гиппоник ткнул Эверарда большим пальцем под ребро. — Утром она поковыляла от тебя на полусогнутых. Постарался, ничего не скажешь!

Эверард посуровел.

— А тебе какое дело? — буркнул он. — Твоя, что ли, оказалась хуже?

— Ну ладно, не кипятись! — прищурился Гиппоник. — Похоже, ты раскаиваешься. Может, мальчика попробуешь? Хотя мне почему-то показалось, что это не в твоём вкусе.

— И это правда.

Хотя подобное развлечение подошло бы авантюрной натуре человека, роль которого выбрал для себя Эверард: наполовину — варвара, наполовину — эллина из северной Македонии.

— Я просто не привык распространяться о своих пристрастиях, только и всего.

— Да уж, это действительно так, — пробормотал Гиппоник.

Как в банальном анекдоте — ничего личного.

Эверард понимал, что ему не следовало так реагировать на шутку Гиппоника.

«Почему я разозлился? Он поддел меня без злого умысла. После долгого воздержания мы вновь оказались в обжи-

тых краях и остановились в караван-сараях, где к услугам путников были девушки. Я отменно провел время с Атоссой. Ничего больше. Может, я совершил ошибку, расставшись с нею?» Славная девчонка! Она заслуживает большего, чем дает ей жизнь. Огромные глаза, красивая грудь, тонкие бедра, опытные, ласковые руки. А какая тоска прозвучала в ее голосе, когда на утренней заре Атосса спросила, вернется ли он когда-нибудь. А ведь, кроме небольшой платы и щедрых чаевых, он ничего ей не дал — разве что проявил внимание и заботу, как стараются делать большинство мужчин XX века в Америке. Хотя здесь и это редкость.

Как сложится ее судьба? Атоссу могли украсть или убить бандиты, продать в рабство в чужую страну, когда армия Антиоха займет Бактрию. В лучшем случае она увянет к тридцати годам от изнурительной поденщины, к сорока изработается, потеряет зубы и умрет, не дотянув до пятидесяти. «Я никогда не узнаю, что станет с ней».

Эверард одернул себя: «Прекрати сентиментальничать». Он ведь не мягкосердечный и впечатлительный новичок. Ветеран, агент-оперативник на службе Патруля Времени, прекрасно осознающий, что история в буквальном смысле слова выстрадана людьми.

«Может быть, я чувствую себя виноватым? Но с какой стати? Есть ли смысл в угрызениях совести? Кто пострадал?»

Определенно, не он сам. Искусственные вирусы, введенные в его организм, уничтожали любую болезнь из тех, что мучали людей долгие века. Он не мог наградить Атоссу ничем, кроме воспоминаний.

«И вообще для Меандра из Иллирии противоестественно было бы упустить такую возможность. Их у меня за всю жизнь набралось столько, что память не вмещает, и не всегда потому, что того требовала служебная необходимость».

Ладно. Ладно. Да. Незадолго до отъезда в эту командировку я виделся с Вандой Тамберли. Ну и что? Ей тоже нет дела до моей жизни».

До сознания Эверарда дошли слова Гиппоника:

— Прекрасно. Никаких возражений. Не волнуйся, ты будешь предоставлен сам себе, гуляй на здоровье. У меня дел по горло. Расскажу тебе о самых веселых заведениях, а может, и выкрою часок-другой, чтобы развлечься за компанию. Но большую часть времени тебе придется коротать одному. Жить будешь в моем доме, и точка!

— Спасибо, — отозвался Эверард. — Извини, если я был груб. Усталость, жара, жажда.

«Хорошо, — подумал он. — Получается, мне везет. Я смогу беспрепятственно навестить Чандракумара и, помимо всего прочего, разузнать что-нибудь полезное от приятелей Гиппоника. С другой стороны, я окажусь более заметным, чем предполагал».

Хотя в разноязыкой Бактрии его появление вряд ли станет событием. Ему нечего опасаться, выполняя задание в этом городе...

— Ну, об этом мы скоро позаботимся, — пообещал купец.

Словно бы услышав Гиппоника, дорога резко обогнула рошу, и город — цель путешествия — открылся их взору. Над речным причалом высились массивные коричнево-желтые стены с башнями. Из-за стен, периметр которых составлял около семи миль, курился дым домашних очагов и мастерских, доносился скрип колес и топот копыт. У главных ворот города в обоих направлениях текла людская река: пешие, конные, в повозках. От самой стены начиналась полоса пустого пространства — для обороны города, — а дальше лепились друг к другу жилые дома, постоянные дворы, мастерские, сады.

В основном здесь жили иранцы, которые преобладали и в караване. Их предки заложили этот город, дав ему имя Зариаспа — Город Лошади. Греки называли его Бактра, и по мере приближения к городу греков встречалось все больше. Некоторые из них пришли в эту страну, когда ею владел царь Персии. Переселение зачастую было подневольным — шахи-ахемениды попросту выселяли беспокойных ионийцев. Приток усилился после захвата города

Александром, потому что Бактрия превратилась в край новых возможностей и в конце концов добилась статуса независимого государства под властью эллинов. Большинство греков обосновалось в городах. Они состояли на военной службе или ходили торговыми путями, тянувшимися на запад до самого Средиземноморья, на юг — до Индии, а на восток — аж до Китая.

Эверард припомнил лачуги, средневековые руины, нищих земледельцев и скотоводов — в основном тюрко-монгольских узбеков. Но это было в Афганистане 1970 года неподалеку от советской границы. Много перемен принесут степные ветры в грядущем тысячелетии. Слишком много, черт возьми!

Он пришпорил коня. Лошадь Гиппоника пустилась рысью. Погонщики верблюдов тоже прибавили хода, да и пешие путники не отставали: до дома осталось совсем немного.

«И совсем недолго осталось до войны», — подумал Эверард.

Они въехали через Скифские ворота, которые хотя и были распахнуты, но охранялись отрядом воинов. На солнце блестели их шлемы, щиты, латы, поножи, наконецники пик. Солдаты пристально изучали каждого входящего. Городской гул звучал приглушенно, так как жители здесь разговаривали не так громко и отрывисто, как принято на Востоке. Несколько деревянных повозок, запряженных волами или ослами, были нагружены домашним скарбом. Их сопровождали крестьяне с женами и детьми, искавшие защиты за городскими стенами.

Гиппоник сразу обратил внимание на беженцев. Губы его сжались.

— Плохие новости, — обратился он к Эверарду. — Надеюсь, это только слухи, но в таких случаях правда обычно не заставляет себя ждать. Мы довольно быстро добрались, и мне следует принести жертву Гермесу.

Жизнь вокруг, однако, продолжалась. Она никогда не замирает, до тех пор пока не окажется в пасти смерти. Лю-

ди сновали по улицам между постройками — в основном без окон, — раскрашенными в яркие тона. Тележки, тягловый скот, носильщики, женщины, ловко несущие на головах кувшины с водой или рыночные корзины, сновали в толпе ремесленников, поденщиков и домашних рабов. Богач в паланкине, офицер верхом на лошади или старый боевой слон с погонщиком шли напролом, вздымая позади себя живые человеческие волны. Скрипели колеса, позвякивала упряжь, сандалии стучали по булыжной мостовой. Слышались смех, скороговорки, гневные возгласы, обрывки песен, журчание флейты или рокот барабана. Воздух был пропитан запахом пота, нечистот, дыма, стряпни, фимиама. В тени харчевен сидели, скрестив ноги, мужчины; они потягивали вино, играли в кости, разглядывали текущую мимо них жизнь.

На Священном Пути располагалась библиотека, оден, гимназия, облицованные с фасада мрамором, украшенные колоннами и фризами. Между зданиями тут и там стояли гермы фаллической формы — каменные столбы, увенчанные бородами головами. Эверард знал, что в городе есть школы, общественные бани, стадион, ипподром и царский дворец, скопированный с чертогов Антиоха. Гордостью главной улицы города были пешеходные дорожки с выложенными из камней перекрестками, возвышающиеся над мусором и навозом. Столь далеко от Греции взошли семена ее цивилизации. Это не означало, однако, что греки отождествляли Анаит с Афродитой-Уранией, хотя и воздвигли храм в ее честь в традиционном стиле. Анаит оставалась азиатской богиней, чей культ почитался беспрекословно, и западная часть Бактрии — зарождающееся Парфянское царство — в недалеком будущем создаст новую империю Персии.

Храм Анаит возвышался над крытой колоннадой Никанора, где раскинулся центральный городской базар. На площади теснились палатки, набитые товаром: шелковые, хлопковые, шерстяные ткани, вина, пряности, засахаренные фрукты, лечебные снадобья, драгоценные камни, по-

делки из меди, серебра, золота, железа, талисманы — всего было в достатке. Торговцы, выкрикивающие цены, торгующиеся покупатели мешались в толпе с лоточниками, плясунами, музыкантами, предсказателями судеб, колдунами, проститутками, попрошайками, зеваками. В этом круговороте мелькали лица и одежды из Китая, Индии, Персии, Аравии, Сирии, Анатолии, Европы, с диких предгорий и северных равнин.

Эверарду такая картина была почти привычна, хотя в глубине души таилось ощущение нереальности происходящего. Он не раз наблюдал подобные сцены в других землях, в другие столетия. Каждая была отмечена печатью своеобразия, но все их роднили кровные узы с доисторической древностью. Сюда он еще ни разу не попадал. К моменту появления на свет Эверарда город превратится в призрак, в жалкую тень Бактры эллинских времен. Однако Эверард прекрасно ориентировался в незнакомом месте. Совершенная электроника запечатлела в его мозгу карту, историю, основные языки и все сведения об этом городе, которые не зафиксированы в хрониках, но были терпеливо собраны по крупицам Чандракумаром.

Столько подготовки, долгой и опасной работы только ради того, чтобы захватить четверых беглецов. Однако эти четверо угрожали существованию его мира.

— Давайте сюда! — закричал Гиппоник и махнул рукой, не вылезая из седла.

Караван свернул в менее оживленный квартал и вскоре остановился у склада. Часа два потратили они на разгрузку, опись и укладку товаров. Гиппоник заплатил каждому из своих людей по пять драхм, распорядился насчет стойла и корма для животных и договорился встретиться с ними на следующий день в банке, где он хранил свои деньги, чтобы рассчитаться окончательно. Караванщикам не терпелось поскорее попасть домой, узнать, что тут без них происходило, и весело отметить возвращение к родному очагу, хотя новости о войне никому не давали покоя.

Эверард ждал. Он скучал по своей трубке и холодному

пиву, которые были бы сейчас как нельзя кстати. Но сотрудники Патруля Времени умели справляться со скукой. Краем глаза Эверард наблюдал за происходящим вокруг и думал о чем-то своем. Вскоре он поймал себя на том, что вспоминает день, до которого оставалось еще более двух тысяч лет.

1987 год от Рождества Христова

Через открытое окно проникали солнечный свет, ласкающий ветерок и отголоски городского дыхания. Перед взором Эверарда лежал Пало-Альто, отдыхающий в праздничные дни. Он сидел в квартире студентки Стенфордского университета: удобная, немного обшарпанная мебель, неразбериха на письменном столе, книжная полка, заваленная всякой всячиной, и плакат Национальной федерации дикой природы на противоположной стене. От событий прошлой бурной ночи не осталось и следа. Ванда Тамберли сама все проверила. Она, но другая — на четыре месяца моложе, та, которая еще не знала о существовании Патруля, не должна была ничего заподозрить, вернувшись из поездки с родителями.

Впрочем, Эверард выглядывал на улицу не чаще, чем того требовала привычная осторожность. Гораздо приятнее было глядеть на хорошенькую калифорнийскую блондинку.

Свет играл на ее волосах и складках голубого махрового халата, подобранного под цвет глаз. Даже при том, что она проспала целые сутки, Ванда удивительно быстро оправилась после случившегося. Девушка, похищенная одним из конкистадоров Писарро и спасенная в ходе головокружительной операции, имела полное право на растерянность. Ванда, однако, продолжала задавать вопросы, разделявая при этом большой кусок мяса:

— Но разве путешествия во времени возможны? Я читала, что это абсурд и фантазии.

— С точки зрения современной физики и логики — да.

Содержание

Часть I. НЕЗНАКОМЕЦ У ТВОИХ ВОРОТ	5
Часть II. ЖЕНЩИНЫ И ЛОШАДИ, ВЛАСТЬ И ВОЙНА . . .	12
Часть III. ДО БОГОВ, СОЗДАВШИХ НЕБО	134
Часть IV. БЕРИНГИЯ	147
Часть V. РАЗГАДАЙ МНЕ ЗАГАДКУ	281
Часть VI. ИЗУМЛЕНИЕ МИРА	289